

Глава третья. Жадина до денег

Этот мимолётный взгляд был поистине донельзя соблазнительным. Хо Цунцзин на мгновение потерял дар речи, а затем увидел, как Лю Чи поднялся с кровати и снял с вешалки верхнюю одежду, которую Хо Цунцзин вчера швырнул на него.

Он просто накинул её на плечи, подпоясавшись белым кушаком.

Наряд Хо Цунцзина явно был ему великоват, отчего затянутая талия казалась ещё более хрупкой — её можно было обхватить одной рукой. Воротник на груди распахнулся, небрежно обнажая ключицы, а висевший на шее маленький кусочек золота и те самые дорогие сердцу Хо Цунцзина розовые цветочки были скрыты наполовину, так и маня протянуть руку, раздвинуть края ткани и разглядеть их целиком.

— Что такое чаепитие с беседой? — поинтересовался Генерал, подавляющий Восток, у которого совершенно не было подобного опыта.

— Это когда гость болтает с невольником за чашкой чая, без всяких непотребств. Стоит такое удовольствие двадцать ляэнов за раз, — Лю Чи прищурился, улыбаясь точь-в-точь как выпрашивающая подачку кошка.

— Обычно другие заказывают чай и вино по несколько кругов, но генералу этого не потребуется.

Будучи человеком прямолинейным, Хо Цунцзин подумал, что раз уж он пришёл навестить этого юношу, то отдать двадцать ляэнов всяко лучше и дешевле, чем триста, а потому без малейших колебаний заявил:

— Тогда давай чай с беседой.

Следом он задал ещё один вопрос:

— Только смотреть и нельзя трогать?

Лю Чи резко повернул голову и в упор уставился на него. В его прекрасных глазах, казалось, полыхал огонь, отчего они казались необычайно яркими.

— Ты даже двухсот восьмидесяти ляэнов пожалел?!

Дыхание Хо Цунцзина мгновенно перехватило.

Какое-то время он был полностью ошеломлен и даже ощутил то самое напряжение во всем теле, какое испытывал в четырнадцать лет, когда его, только вступившего в армию, впервые вызвал по имени ротный командир.

Генерал, подавляющий Восток, приподнял бровь, не понимая, что у этого проныры на уме.

Однако не успели в нём пробудиться какие-либо романтические порывы, как голос Лю Чи раздался вновь. На сей раз в нём уже не было прежней звонкости, вот только содержание слов по-прежнему выводило из себя:

— Но плата за чай, о которой мы уже договорились, возврату не подлежит. С вас в общей сложности триста двадцать ляэнов.

В смысле — договорились?

Хо Цунцзин только-только произнес «Тогда давай чай с беседой», как Лю Чи набросился на него, принявшись колотить, бранить и кусать. Уму непостижимо, как с таким отвратительным отношением к клиентам можно заламывать столь заоблачные цены.

Лю Чи донельзя разозлился и вцепился зубами ему в щеку.

— Ты надеялся отделаться двадцатью ляэнами и задешево меня облапошить?!

— Ах ты... Ах ты, скряга! Жадюга! Наглец! Поганый развратник! — Лю Чи набросился на него, принимаясь молотить кулаками и пинать ногами, на ходу поливая руганью, словно из пулемёта. Хо Цунцзин одной рукой подхватил его за задницу, а другой крепко обхватил за талию, прижав к себе, будто непослушного котенка, и позволил обрушиваться на себя эти слабые удары.

Где генералу доводилось видеть подобные истерики? К тому же, заключив Лю Чи в объятия, он с неожиданным изумлением осознал, что этот человек повсюду невероятно мягок и гладок — словно оживший шёлк. От этого у него в голове вовсе помутилось, и лишь после того, как Лю Чи, высказавшись, вдобавок цапнул его за щеку, до Хо Цунцзина наконец дошло.

Генерал, подавляющий Восток, в конце концов капитулировал. Упаси Небеса, когда еще Хо Цунцзину доводилось встречать стольких чудных людей? С любым другим он бы давно обошелся парой пинков да десятком плетей, научив уму-разуму. Но здесь — этот чертовски красивый и совершенно безумный мальчишка легкого поведения. И ударить нельзя, и обругать не получится — не забыл же он, как едва успел рот открыть, как юнец покрыл его трехэтажным матом, а если б он вздумал пререкаться, что бы тогда началось?

К тому же, эти тонкие ручки и ножки казались такими хрупкими, точь-в-точь как тот самый антикварный чайный сервиз, что бережно хранит супруга князя Увэй. Их страшно даже

лишний раз в руках держать, как бы не надколоть, и Хо Цунцзин смертельно боялся сломать паренька, приложив хоть капельку силы.

Доводилось ли Генералу, подавляющему Восток, когда-либо терпеть подобное унижение?

Ладно, будь что будет, в конце концов, прославленный генерал не обеднеет на двадцать ляэнов.

Но Хо Цунцзин готов был дать голову на отсечение: скажи он сейчас нет, Лю Чи тут же снова взъерошится из-за этой двадцатки.

Услышав про «триста ляэнов», капризный красавчик наконец смягчился, воинственный пыл мгновенно угас. Лю Чи бросил взгляд на его помрачневшее лицо и, напустив на себя предельно послушный и угодливый вид, выдавил из себя робкую улыбку. Заметив на его руке глубокий след от собственных зубов — кожа не была прокушена до крови, но отпечаток вышел отчетливым, — он словно бы в знак раскаяния легонько лизнул его.

— Хорошо, — признал он поражение. — Пусть будет триста ляэнов.

Хо Цунцзин усадил его на кушетку, но не успел ничего предпринять, как вновь услышал голос Лю Чи:

— Генерал ведь впервые здесь, верно?

Опустив взгляд, Хо Цунцзин посмотрел на этого жадного до денег прохиндея. Лю Чи послушно приник к его груди, запрокинув голову и глядя снизу вверх — вылитый ангелочек.

Впрочем, кусался он совсем не больно. Хо Цунцзин пальцами ухватил его за щеки, освобождая собственную плоть из плена, но неугомонный Лю Чи тут же намертво вцепился зубами в основание его большого пальца.

— Хо Цунцзин! — рявкнул он, и тон его был куда более свирепым, чем вчерашний окрик самого генерала.

— Неужели тебе жалко потратить на меня немного личных денег?

Чернее тучи, Хо Цунцзин вытащил из рукава пачку серебряных билетов на пятьсот ляэнов и швырнул их на стол:

— Заткнись.

Если позволить этому язычку болтать и дальше, он, пожалуй, выложит больше трех сотен

ляэнов просто за право посидеть за чаем — а ведь изначально генерал собирался купить хотя бы вазу.

Однако, закрыв свой смертельно раздражающий рот и принявшись по-настоящему ухаживать за гостем, Лю Чи полностью оправдывал свою баснословную цену — смотреть на него было одно удовольствие.

В какой-то момент у Хо Цунцзина даже промелькнула дикая мысль: не выкупить ли Лю Чи и не увезти ли его домой?

Но едва рассудок вернулся к нему, он тут же отбросил эту безумную идею.

Совсем рехнулся? Сколько же за него придется выложить серебра?!

На следующее утро Хо Цунцзин проснулся сам, без чьей-либо помощи.

В былые дни в армии в это время уже вовсю шла утренняя муштра, а в Цзинду начиналась утренняя аудиенция.

Но сейчас во всей Башне Ветра и Луны стояла тишина. Лю Чи по-прежнему спал рядом, погруженный в сладкие сладкие грезы.

Полежав на кровати, Хо Цунцзин прикинул, что сегодня у него вроде бы нет никаких срочных дел, а потому спешить вставать он не стал.

В конце концов, даже если не явится ко двору, в худшем случае какой-нибудь цензор в очередной раз обрушится на него с доносом о надменности и своеволии Генерала, подавляющего Восток.

Так он провалялся почти до полудня, и если бы Лю Чи наконец не приоткрыл глаза, генерал уже начал бы подозревать, что тот и вовсе умер во сне.

— Ты собираешься вставать?

Хо Цунцзин совершенно не ожидал от Лю Чи такой вопиющей лени, но все раздражение уже давно уступило место глухому смирению.

— Рано еще, полежим еще немного, — Лю Чи перевернулся на другой бок, зарывшись носом в одеяло, и невнятно пробормотал.

— Тогда я пошел? — Хо Цунцзин сделал вид, что поднимается.

Словно вспомнив о чем-то важном, Лю Чи мгновенно вскочил, сияя глазами, и выпалил:

— Генерал, а если взять меня в эксклюзивное содержание на месяц, это будет стоить всего тысячу ляэнов...

У Хо Цунцзина непроизвольно дернулся угол рта.

Но тут же в его голове промелькнул расчет:

— За один только вечер в качестве живой вазы ты берешь триста ляэнов, а за целый месяц — тысячу? Не слишком ли дешево, не в убыток ли себе работаешь?

— Я принимаю гостей максимум раз в семь дней, — сладко зевнув, лениво протянул Лю Чи. — Чаше нельзя, здоровье подорву.

Гляди-ка ты, о здоровье заботится.

Хо Цунцзину следовало бы отказаться — этот жадный до денег мальчишка уже вытянул из него пятьсот ляэнов, а это жалованье простого пехотинца за пятьдесят лет... Впрочем, какая пехота служит по полвека, — и вот теперь Лю Чи снова требует тысячу.

Но стоило Хо Цунцзину взглянуть на приподнявшегося на постели Лю Чи, как все его решения моментально рухнули.

— Ладно.

Едва произнеся это слово, Хо Цунцзин мысленно отвесил себе звонкую пощёчину.

Лю Чи прищурился в довольной улыбке и протянул вперед раскрытую ладони.

Каждый палец — белый, точеный, с отчетливыми суставами...

— Итого тысяча пятьсот ляэнов, — изрек он.

Шагая из Башни Ветра и Луны, Хо Цунцзин чувствовал, что под ногами у него словно вата — все происходило как в туманном сне.

Вчера в это же самое время он пришел сюда с отяжелевшим от звонкой монеты кошельком, движимый сиюминутным порывом, а теперь, спустя всего сутки, лишился полутора тысяч ляэнов.

Полторы тысячи ляэнов! Да тем двоим слугам, что целыми днями обязаны кипятить воду и готовить для Лю Чи ванну, поддерживая идеальную температуру, таская воду ведро за ведром на самый верхний этаж Башни Ветра и Луны, а после еще и выносить грязную воду — им обоим за целый месяц платили всего по три ляэна. И пусть жалонье простого солдата — всего один ляэн, но Башня Ветра и Луны содержание и харчи слугам не оплачивает.

На полторы тысячи ляэнов эти слуги могли бы топить воду для купаний Лю Чи добрых сорок лет.

Хо Цунцзин чувствовал, что сошел с ума, но в мыслях даже не возникало желания взять свои слова назад.

Проводив Хо Цунцзина взглядом, Лю Чи уперся плечом в оконный столб и так и просидел в задумчивости до самого вечера, пока не пожаловал Двенадцатый принц.

— Двенадцатый? — Лю Чи поднялся на ноги, на губах заиграла улыбка.

Он кивнул на лежащие у изголовья серебряные билеты:

— Это прислал Генерал, подавляющий Восток. Полторы тысячи ляэнов.

Двенадцатый принц тоже улыбнулся:

— А он щедр.

Лю Чи пренебрежительно скривил губы:

— Как бы не так, жмот редкостный, поначалу даже двадцати ляэнов на меня пожалел.

— Хо Цунцзин вышел из низов, когда в четырнадцать лет он поступил на службу, его месячное жалованье едва ли составляло шесть сотен медных монет. Привычка к бережливости у него в крови, — заметил Двенадцатый принц.

Генералу, подавляющему Восток, нынче исполнилось всего девятнадцать, он еще даже не прошел обряд совершеннолетия, но пять лет бесконечных войн напрочь стерли любые следы юношеской незрелости.

— Я постараюсь побыстрее склонить Хо Цунцзина к тому, чтобы он поддержал тебя. Он человек крайне легкомысленный, мало заботящийся о политических раскладах в Цзинду, и поступает исключительно по собственному разумению. Наверное, привлечь его на свою сторону будет не так уж сложно.

— Вот как, — тихо отозвался Двенадцатый принц, но в его голосе не было и намека на радость.

Лю Чи опустился на стул и, погрузившись в какие-то свои мысли, больше ничего не говорил.

Двенадцатый принц, по-видимому, тоже был озабочен тяжелыми думами. Какое-то время они молча сидели в комнате друг напротив друга, пока Лю Чи наконец не поднялся:

— Давай поедим.

За трапезой Двенадцатый принц, держа в руках пиалу, с заметной нерешительностью произнес:

— Золотая Рыбка...

Лю Чи приподнял веки, давая понять, что слушает.

— Я хочу, чтобы ты... ушел отсюда.

Движение палочек для еды на мгновение замерло, после чего Лю Чи попытался выдавить из себя натянутую улыбку:

— С чего это вдруг такие разговоры?

Двенадцатый принц смотрел на него, не зная, как подобрать нужные слова для продолжения.

— Он не согласится, — опустив ресницы, Лю Чи зачерпнул себе полпиалы супа и принялся медленно отхлебывать.

— Но у тебя есть способ. Если ты захочешь, то обязательно найдешь выход, я знаю, насколько ты умен, — с легким отчаянием в голосе вымолвил Двенадцатый принц. — Я больше не могу смотреть, как ты...

— Тебя тяготит то, в каком положении я нахожусь? — Лю Чи отставил пиалу, вперив в него темный, непроницаемый взгляд.

— Нет, — испуганно, словно от удара, откликнулся Двенадцатый принц. — Меня тяготит лишь то, что ты несчастен.

— Я знаю, что ты страдаешь. Уже два года, Золотая Рыбка... Раньше мы были бессильны что-либо изменить, но теперь всё иначе.

— Теперь у тебя есть силы, чтобы вырваться отсюда.

— И куда же? — холодно осведомился Лю Чи.

— Куда угодно! В любом месте ты сможешь жить достойно, — Двенадцатый принц испытывал невиданное напряжение. С того самого вечера двухлетней давности он неизменно избегал заводить с Лю Чи разговоры на эту тему.

Пожалуй, то был самый унижительный и жалкий момент в их жизнях, и по сей день, касаясь мыслями тех событий, Двенадцатый принц ощущал невыразимый... страх.

К счастью, Лю Чи всегда сохранял поразительное спокойствие.

Допив остатки супа, Лю Чи поднялся на ноги:

— Я понял.

Он вытер рот заготовленным платком, после чего окинул взглядом почти нетронутые блюда и бросил напоследок:

— Ешь. Я подумаю, как это устроить, но, полагаю, потребуется какое-то время.

— Не спеши. Главное, что ты согласился об этом подумать — вместе мы обязательно справимся, — обрадовался Двенадцатый принц и быстро зачерпнул еще пару ложек риса. — Золотая Рыбка, а эти баклажаны очень даже неплохи.

— Тогда я велю кухарке приготовить их и завтра.

— Хорошо, — кивнул Двенадцатый принц и, по обыкновению, принялся рассказывать о новостях из Императорского Дворца. — Меня, пожалуй, еще на пару дней затянут дворцовые дела.

— Что такое? Опять кто-то из принцев отдал концы? — равнодушно бросил Лю Чи.

— О, отец воспользовался случаем и примерно наказал тех из братьев, кто слишком сильно распустил руки при дворе и начал сколачивать клики. Впрочем, до таких мелких сошек, как я, ему дела нет, — Двенадцатый принц усмехнулся. — Сейчас все только и делают, что изображают из себя преданных друг другу братьев, свободных от мирских амбиций. Сходятся поминать Двадцать третьего брата, да так надрывно рыдают, будто надеются своими слезами вернуть его к жизни.

Когда Двадцать третий принц был жив, он в страшном сне не мог представить, что его августейший отец и братья способны испытывать к нему столь глубокую и нежную привязанность.

<http://bllate.org/book/21314/2162808>